

одна из самых сильных сторон автора, ср. ст. 5442).

Изоощренный литературный ход, вынуждающий влюбленных обмениваться за встречу в церкви всего одним коротким словом, вкладывает в их уста серию убыстряющихся строк, которые, будучи сведены воедино, реминисцируют построенную по тому же принципу коротких диалогических реплик известнейшую (и вызвавшую к жизни дальнейшие подражания ²⁶⁰) песню трубадура Пейре Роджьера:

- Увы! – В чем боль? – Умру. – Чей грех?
- Любви. – К кому? – Да к вам. – Как быть?
- Лечить. – Но как? – Хитря. – Начни ж.
- Есть план. – Какой? – Придти. – Куда?
- В дом ванн. – Когда? – В удобный день.
- По мне.

Эта изысканная литературная реминисценция в растянутом на сотни строк, как бы анаграммированном в тексте диалоге влюбленных, не единственная в романе. Большой интерес представляет в этом отношении описание выступлений на свадебном пиру трубадуров и жонглеров, – здесь дается длиннейший перечень исполняемых ими произведений и их сюжетов (592 – 709), своего рода конспект средневековой хрестоматии (см. прим. 37 – 63). Свобода, с какой рассказчик привлекает для иллюстрации или усиления своей мысли тексты Овидия и Горация, всегда равноценна искусству, с каким он без нажима, «без швов» включает их в повествование. При этом точность таких цитат дает право говорить о хорошем знакомстве автора непосредственно с античными произведениями, а не только с их франко-провансальскими переложениями. Авторская личная нота слышится за описанием покровительства, оказываемого Гильемом жонглерам:

Безвестный ли, иль знаменитый
Жонглер был под его защитой,
Не голодал, не холодал,
У многих он любовь снискал,
Даря им лошадей иль платье.

(Ст. 1717 – 1721.)

– описание это предшествует восхвалению собственного, по-видимому, покровителя поэта. Гильем, конечно, и сам поэт (согласно куртуазным представлениям любовь и поэзия – одно): в конце романа он посылает Фламенке послание в стихах (чисто провансальский жанр, введенный трубадуром Арнаутом де Марейлем). Описание миниатюры в рукописи послания (ст. 7100 – 7112) изобличает в авторе знатока книжного дела; другой отрывок представляет знаменательную хвалу чтению, которое помогло Фламенке скрасить двухлетнее заточение, а Гильему преодолеть препятствия (ст. 4803 – 4838). Последнее утверждение -

И мог быть только книгочей
Придумщиком таких затей -

является своего рода автометаописанием самого автора, заимствовавшего мотив переодевания в священническое облачение, чтобы увидеть никогда не виденную им прежде возлюбленную – из друг ого дошедшего до нас провансальского куртуазного романа «Джауффре», а мотив подкопа, через который влюбленный проникает в башню, где его дама сидит за восемнадцатью замками, заточенная ревнивым мужем, – из старофранцузского фаблю «Рыцарь мышеловки» (этот сюжет распространен на востоке с древних времен).

²⁶⁰ Ср. в самом романе диалогизированные внутренние монологи Гильема и его диалога с Амором (папр., ст. 4011, 4013 и др.).